

Робин Гуд

Автор:

Михаил Гершензон

Робин Гуд

Михаил Абрамович Гершензон

Классика в школе (Эксмо)

Легенды о Робин Гуде изучают на уроках литературы в 6-м классе.

Михаил Гершензон

Робин Гуд

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава первая,

в которой рассказывается о чудотворных мощах святого Гуга и еще кое о чем

А стрелы какие – длиною в ярд!

Оперенье – павлинье перо!

Блестящей насечкою радует глаз

Белое серебро.

Полная луна светила так ярко, что муравьи видны были на лесной тропинке. Серебряные ветви дубов бросали на траву черную тень, а там, где листва была реже, дымчатые столбы лучей тянулись к земле.

Возле сторожки лесничего, срубленной из толстых бревен, остановилась невзрачная лошаденка. Сухенький старичок неловко сполз с седла и, сильно припадая на одну ногу, проковылял к окну. Он постучал по доске, которой изнутри было закрыто окно, и к щелчке тотчас же прильнул недоверчивый глаз.

– Открой, добрый человек, – тихо сказал поздний гость. – Я совсем заплутался у вас в лесу.

Полоска красного света брызнула в щель, погасла, вспыхнула снова: хозяин сторожки вздул огонь.

– Кого еще там принесло? – раздался неприветливый голос.

Старичок уткнулся бородкой в окно и громко закричал:

– Башмачник я, в Ноттингем еду за кожей, на ярмарку! Пусти переночевать, хозяин!

Загремел засов.

Тяжелая дверь отворилась, и в лунном свете блеснуло лезвие ирландского ножа. Черный Билль, лесничий королевских лесов, встретил позднего гостя на пороге.

– Ты один? – спросил лесничий, вглядываясь в тень за спиной старика.

– Как Адам, когда еще не было Евы, – повеселевшим голосом ответил старичок. – Впрочем, есть при мне кости святого Гуга.

Он вошел в сторожку, ведя за собой лошадь. Поставив лошадь в тот угол, где гремел о кормушку цепью жеребец лесничего, старичок скинул с плеча небольшую кожаную сумку.

Черный Билль, угрюмо насупившись, разглядывал гостя.

– А что у тебя в сумке, башмачник?

Старичок развязал котомку и поднес к носу лесничего десяток ножей, шильев и сверл. Лукаво ухмыляясь в седую бороденку, он заговорил быстро-быстро, так что Черный Билль не мог вставить ни словечка:

– Великое дело – мощи святого Гуга! Святой Гуг ведь тоже был бродячий башмачник, вроде меня. А когда накинули ему на шею петлю за то, что он полюбил прекрасную Финифред, он воскликнул в великом горе: «Слушайте, все башмачники, какие есть на божьей земле! Мне нечего вам завещать. Жизнь у меня отнимает палач, мясо мое склюют жадные птицы. Я оставляю вам свои кости, пусть они принесут вам счастье». Нацеди мне кружку эля, хозяин, дай промочить горло с дороги. Хорош, хорош у тебя эль, лесник! Вот шли мимо виселицы веселые башмачники, слышат – стучат на ветру белые кости святого Гуга. «Глядите, – говорит один, – вот кости, что завещал нам святой!» – «А на что живому нужны мертвые кости?» – спрашивает другой. «Как на что? В этих костях такая же сила, как в мозгу бобра или в языке лягушки. Потому что, если ты высушишь мозг бобра, растолчешь в порошок и добавишь сычуга, который хозяйки кладут в сыр, и этой мазью натрешь порог, ни один вор не войдет в твой дом. А язык лягушки имеет такую силу, что если положишь его на грудь спящего, то спящий ответит тебе на всякий вопрос и расскажет, что будет завтра и через десять лет. А если лист чернобыльника положишь в башмак – хоть сорок миль пройди, не устанешь. А если кости святого Гуга башмачник положит в сумку...»

– Да постой, не тараторь, старик! – перебил гостя Черный Билль. – Никто не поверит тебе, что ты башмачник. Зачем башмачнику сверла? Уж больно знакома мне твоя борода. Не хромой ли ты стрельник из Трента? Как, и колчан у тебя при седле?

– А хоть бы и так, – не моргнув глазом, ответил старик. – Если мощи святого Гуга помогают башмачнику, почему бы им не сослужить службу доброму стрельнику?

– Какой же ветер занес тебя сюда, старик?

– Уж ты-то знаешь какой, – подмигнул гость. – Тот самый ветер, который тридцать лет не дает мне покою и таскает, как палый лист, по всему северному краю. Слышать, шериф в Ноттингеме объявил состязание лучников в День святого Петра? Значит, смекаю я, кому-нибудь да понадобятся меткие стрелы.

– А давно, однако, не видно тебя в наших лесах, – заметил лесничий, подливая старику темного эля.

– Да мало ли в Англии городов и сел! Рук-то у меня, на беду, только две. Трудно стало мне таскать по дорогам свои старые кости, а хороший стрелок всегда отыщет хромого из Трента. Только третьего дня приходили ко мне в Донкастер здешние молодцы. Говорят, красного зверя в Шервуде много, да шерифовы заставы караулят у каждого пня.

Черный Билль нахмурился.

– Смотри, старик, не сносить тебе головы! Я давно примечаю, у разбойников стрелы твоей работы.

– Ремесло наше такое. Разве ткач виноват, если веселые молодцы ходят в сукнах его работы? Были бы стрелы чисто сделаны, а чья рука их спустит с тетивы и в какую мишень, это дело не наше. Погляди, видал ты такие стрелы?

Стрельник прохромал к своей лошади, отвязал от седла объемистый кожаный колчан и положил его на стол перед лесничим.

– Вот на этих широких боевых – настоящие фландрские наконечники. Вот «игла» – по мелкой дичи. Вот винтовая – для сильного ветра, – приговаривал мастер, бережно вытаскивая из колчана свои изделия. – Перья на ней заправлены наискось одно к другому, чтобы она вертелась на лету. Эта красная, с павлиньим пером, – для ветра с правой руки, а эта – для ветра с левой. Короткая – для дальнобойного лука, а эти, в ярд, – для шестифутового...

Черный Билль, вскидывая стрелы к глазу, проверял их прямоту. Вдруг он заметил, что стрельник, вытащив наполовину одну стрелу, поспешно упрятал ее обратно в колчан.

– Стой, стой! – воскликнул лесничий. – Покажи-ка мне ту, кленовую.

– Вот эту?

– Да нет же, ту, что ты спрятал, старик.

– То плохая стрела. Возьми лучше эту. Смотри, у нее ложбинка на пятке для воска, чтобы не соскальзывала с тетивы.

Но Черный Билль протянул уже руку и выдернул из колчана кленовую стрелу.

– Так эта, по-твоему, плохая, стрельник? Хитришь ты, как я посмотрю. Мне сдается, что лучшей нет у тебя в колчане.

Лесничий взял свой шестифутовый лук и приложил к тетиве блестящую полированную стрелу.

– Как раз и по луку! Клянусь распятием, с такой стрелой не страшен мне спор в Ноттингеме! Продай мне ее, старик!

Стрельник покачал головой.

– Эта стрела тебе не годится, парень. Видишь, она со свистом.

– Что это значит – со свистом?

– А вот в наконечнике у нее прорезана щелка. Ветер в нее входит, она и свистит на лету.

– Для чего же ты сделал стрелу со свистом?

Мастер замялся.

- Так уж... так уж мне было приказано, - пробормотал он.

- Ты скажи прямо, старик, для кого ты припас такую стрелу?

- Для одного молодца, который тоже будет в Ноттингеме на святого Петра.

Черный Билль, наморщив брови, так пристально посмотрел на хромого, словно хотел пронизать его взглядом.

- Что же, ты думаешь обмануть меня, старик? Или снова запоешь мне про мощи святого Гуга? Не видать Робин Гуду этой стрелы, потому что ты подаришь ее мне, лесничему королевских лесов!

- А если нет? - тихо спросил хромой стрельник из Трента.

- Если нет, - вспылил лесничий, - я отберу ее силой, а тебя научу, как таскаться по разбойничьим берлогам!

- Что ж, возьми, Черный Билль. Только смотри, никому ни слова, не то, пожалуй, кто-нибудь всадит мне в грудь стрелу моей же работы.

Кленовая стрела со щелкой в наконечнике исчезла в колчане лесничего.

Отобрав еще две такие же стрелы, Черный Билль отправил их в свой колчан следом за первой.

Глава вторая

О том, как шериф ноттингемский подарил Робину серебряную стрелу

Шериф приказал обыскать Ноттингам[1 - Ноттингам - старое написание.]

И вдоль и поперек,

А Робин бродил по веселым лесам –

Веселей, чем на липе листок.

По всем дорогам, в селах и городах, герольды прокричали шерифово слово:

– Слушайте! Слушайте! Слушайте! Слушай, весь добрый народ, слушайте, охотники, воины и лесничие! Слушай всякий, кто носит лук и колчан! Этот крик кричит благородный шериф ноттингемский. На святого Петра мы призываем всех метких стрелков северной стороны на веселый спор. А кто лучше всех будет бить в мишени, тот получит в награду стрелу чистого серебра. Наконечник и перья у стрелы – красного золота! И будет назван тот стрелок первым лучником северного края по сю сторону Трента. Боже, храни короля Ричарда и Гроб Господень!

Кто на конях, кто пешком, поодиночке и дружными ватагами, от Мэнсфильда и от Оллертона потянулись лучники к Ноттингему.

Молодцы Робин Гуда, оставив в Шервуде и Бернисдэле свои зеленые плащи, порознь, в желтых, в синих, в коричневых куртках, пробрались в город мимо зорких шерифовых сторожей; этот в северные ворота вошел, тот въехал в южные на старом осле. А шерифовы слуги все ждали, когда же покажется в городе меткий стрелок со своей дружиной. Не для него ли по всем дорогам трубили в свой рог герольды?

Шериф и знатные гости взошли на помост, разукрашенный пестрыми лентами. По правую руку рядом с шерифом сидела его жена в туго зашнурованном лифе, с серьгами в ушах, с длинными косами в шелковых вышивных чехлах.

Стуча мечами по доскам, рассаживались рыцари по местам.

Густая толпа окружала просторное стрельбище – железные колпаки вояк вперемежку с широкополыми войлочными шляпами крестьян.

Четыре сотни лучников, позванивая тетивами, ждали начала состязания.

Маленький старичок с кожаной сумкой за плечами опустился на колени перед шерифом.

– Благородный лорд шериф, – промолвил он тихо, оглянувшись по сторонам, – если ты подаришь мне одну золотую марку, я скажу тебе, как найти среди этих стрелков разбойника Робин Гуда.

– А кто ты такой и что известно тебе о разбойнике, старик?

– Я стрельник из Трента, сэра. Я сделал для Робин Гуда стрелы, с которыми он прибудет на праздник. В наконечниках этих стрел я прорезал искусные щели, так что стрелы при полете будут петь протяжным и резким свистом. Разбойника не узнать среди других стрелков, потому что он переделался и выкрасил бороду. Но ты отличишь его по свистящим стрелам.

Шериф запустил руку в кошель, висевший у пояса, и бросил старику немного серебра.

– Ты заслужил награду, старик! Если твои стрелы помогут изловить разбойника, ты получишь новый кафтан и денег в придачу.

Он подозвал к себе начальника городской стражи и приказал ему выследить стрелка со свистящими стрелами, схватить его незаметно и тихо, чтобы не нарушить веселье праздника.

Между тем стрельба началась.

Круглая мишень была врыта в землю за двести двадцать ярдов от черты.

Прижимая коленом упругое дерево, стрелки сгибали луки, чтобы накинуть петлю тетивы на зарубку. Словно стая птиц с резкими криками пронеслась над стрельбищем – это витые сухожилия запели под сильными пальцами.

То здесь, то там громко хлопала, лопаясь, слишком туго натянутая струна.

Черный Билль зорко всматривался в лица лучников.

Он узнал Маленького Джона, и Белоручку, и тощего стрелка, с которым однажды ему пришлось уже встретиться на стрельбищном поле за городскими стенами.

Но Робина не было видно.

Когда черед дошел до лесничего, он уверенной рукой пустил стрелу в мишень, и эта стрела пропела не громче, чем все другие, потому что лучший подарок хромого из Трента Черный Билль берег для трудного спора, который был впереди.

Слепец с двумя красными ямами вместо глаз протиснулся вперед, таща на ремне трехногую собаку.

– Безглазый с безлапым пришел! Дайте дорогу! – кричали ребята, и люди сторонились, чтобы пропустить слепца.

Все в Ноттингеме знали, что старый Генрих был когда-то первым стрелком на всю Англию, но шериф изловил его в королевском лесу на охоте и в наказание выколол ему глаза.

Парень в малиновой куртке положил руку слепому на плечо.

– Здравствуй, Генрих, – сказал он тихо. – Что не видать тебя в Шервуде?

– Приду, приду, стрелок, – вздрогнув, ответил безглазый. – И то заскучал в Ноттингеме.

Слепой склонил голову набок и долго прислушивался к жужжанию стрел.

– Эх, пострелять охота! – промолвил он.

Парень в малиновой куртке сунул в руки слепому свой лук и стрелу.

– А ты покажи им, Генрих, что для такой мишени и глаз не нужно.

Еще одна стрела прожужжала мимо и стукнулась в мишень.

– А клянусь Святой Троицей, покажу! – Безглазый улыбнулся широкой улыбкой. – Подержи моего пса, сынок. А ну-ка, ребята, поставьте меня у черты!

Запрокинув назад голову, он прошел к черте, у которой показывали свое искусство стрелки. Толпа притихла, глядя на горделивую осанку слепого.

– Стреляйте, стреляйте, молодцы! – сказал старик. – Бейте сильнее, чтобы я услышал мишень.

Лук неподвижно замер в его руке.

Не шевелясь, старый стрелок прислушивался, как ударяются стрелы в круглую доску. Стрела, оттянутая дальше правого уха, медленно поворачивалась на звук; легкий ветерок шевелил яркие павлиньи перья на ее древке.

– Сколько ярдов до мишени?

– Двести двадцать.

Привычная рука подняла жало стрелы дюймом повыше.

– Смотри, шериф, – громко сказал слепой, не поворачивая головы, – в такие мишени только и стрелять что сослепу!

Он спустил тетиву с такой силой, что стрела надвое расколола мишень. Потом, не обращая внимания на восторженные крики стрелков и народа, высоко вскидывая колени, зашагал прочь от черты. Парень в малиновой куртке выбежал к нему навстречу с трехногой собакой на ремне.

Немало потребовалось времени, чтобы все четыре сотни лучников выстрелили по первому разу.

Ко второй стрельбе из них осталось пятьдесят человек.

Мишень поставили дальше на сотню ярдов, и по три стрелы в нее всадили только семеро: синяя куртка, рыжая куртка, Черный Билль, малиновая куртка, тощий лучник и двое стрелков из шерифовой стражи.

Теперь слуги принесли охапку прямых ивовых прутьев, очищенных от коры, и воткнули три прута в землю на расстоянии в триста ярдов от черты.

Крестьяне веселыми возгласами подзадоривали стрелков:

- Неужто кто-нибудь срежет стрелой такие тонкие прутья?

- Это только Робину впору!

- Старый Генрих, уж верно, срезал бы, будь у него глаза.

- А Робин-то струсил: не видать его что-то сегодня.

- Ясное дело - всякому шкура дорога. Приди он, его живо бы сцапал лорд шериф.

- Эй ты, рыжая куртка! Что ты там шепчешь над своей тетивой? Скажи, как звать твоего святого, помолимся вместе - авось скорее услышит!

Тощий лучник первым вышел к черте.

- Вот стрелок! Не стрелок, а стрела: и тонок и легок!

- Что это он колдует? Гляди: перышко кинул в воздух!

- Это он ловит ветер.

Внимательно проследив полет пушинки, лучник прицелился и спустил тетиву. Прут задрожал, но стрела, задев его, пролетела мимо. Со второго выстрела он расщепил ивовый прут, третья стрела пролетела мимо.

- Ну, рыжая куртка, покажи, как любит тебя твой святой!

Рослый парень вразвалку подошел к черте, отер правую руку о свою рыжую куртку, широко расставил ноги и выстрелил. Вырванный сильным ударом прут

упал на траву.

Черный Билль исподлобья посмотрел на стрелка: его раздосадовала удача Маленького Джона.

Второй прут разлетелся в щепки.

– Ай рыжий, ай рыжий! – кричали в толпе. – Да он мухе в глаз попадет, если крепко прицелится!

Но на третий раз Маленький Джон промахнулся. Синяя куртка сменила его у черты.

Вилль Белоручка, промазав два раза подряд, виновато посмотрел на парня в малиновой куртке. Тот укоризненно покачал головой.

Первый из воинов шерифовой стражи выпустил три стрелы, но все пролетели мимо трудной мишени.

Теперь пришел черед Черного Билля. По своему обыкновению, он сощурился так, что стрелки покатались со смеху.

Протяжный, резкий свист пронесся над полем.

Прицел был взят слишком низкий – стрела впилась в землю у самого прута.

– Да ты жмурься получше! – кричали ему со всех сторон. – Не робей, борода! Это черт толкнул тебя в локоть!

Шериф привстал с места, услышав свист стрелы.

– Где твоя хваленая меткость, стрелок? – спросил он насмешливо, и лесничий ответил ему удивленным взглядом. – Покажи, покажи, как вы бьете королевских оленей!

Сменив тетиву на луке, Черный Билль выстрелил снова. В неподвижной тишине опять раздался резкий, свистящий звук. Второй прут был расщеплен надвое, а за ним и третий.

– Что за стрелы такие у молодца? Свищут, как змеи. А прицел у него хорош! Если б он пристрелялся...

Какая-то суматоха поднялась вокруг чернобородого стрелка, когда он шагнул в толпу. Но все глаза направлены были на мишень, потому что второй воин из шерифовой стражи стоял уже у черты и целился.

Раз... Первый прут пошатнулся, оцарапанный стрелой.

Два... От второго отлетела верхушка.

Три... Третий прут раздвоился вилкой.

Толпа пошатнулась, четыре сотни луков поднялись в воздух, приветствуя искусного стрелка. Шериф снова встал, и в его руке заблестела золотом и серебром стрела, предназначенная победителю в состязании. Он помедлил одно мгновение, глядя, как его стражники тащат в сторону от стрельбища упирающегося чернобородого стрелка.

В это время к черте вышел парень в малиновой куртке.

– Таких удальцов я люблю, – весело сказал парень, тяжелой рукой хлопнув воина по спине. – Только спор наш еще не кончен. Эй, там, не зевайте! Поставьте новые прутья!

Три стрелы, сверкая павлиньими перьями, одна за другой слетели с его тетивы, три расщепленных прута запрыгали в дальнем конце поля.

– А теперь, молодец, мы с тобой потягаемся снова, – шепнул Робин шерифову стрелку. – Только, чур, уговор: если ты меня обстреляешь, я пойду под твое начало, а если я тебя – гулять тебе со мной вместе по веселым лесам!

Шериф опустил серебряную стрелу, ожидая, пока смолкнет оглушительный рев толпы.

- Что ж, - сказал он, когда возгласы стихли, - я не знаю, кому присудить награду. Как сказать, кто из вас метче, если оба стреляли без промаха? Выбирайте, как стрелять вам теперь.

- Пусть Генрих скажет! - закричали в толпе. - Пусть Генрих скажет!

Десятки рук подтолкнули слепого вперед.

- Пусть померяются, кто лучше бьет навскидку! - сказал старик.

И тотчас же народ подхватил его слова:

- Навскидку! Навскидку! Бейте навскидку!

Воин кивнул головой.

Он снова вышел к черте и повернулся спиной к полю, держа наготове натянутый лук. Теперь ему не было видно, на каком расстоянии и в каком направлении воткнут будет в землю прут. По слову шерифа он должен был повернуться и, прежде чем шериф досчитает до трех, спустить стрелу.

- Готово! - сказал шериф. - Раз... два... три!

Воин выстрелил, но промахнулся. Шериф поморщился, потому что желал удачи стрелку своей стражи, а никак не безвестному крестьянину в малиновой куртке.

Когда последний повернулся спиной к стрельбищу и прут был воткнут в землю на новом месте, шериф снова воскликнул: «Готово!» - и отсчитал до трех.

На этот раз он считал гораздо быстрее, чем прежде, но стрелок в малиновой куртке вовремя успел спустить стрелу.

Вычертив в воздухе широкую дугу, стрела начисто снесла верхушку белого прута.

– Получай же награду! – сказал шериф, протягивая лучнику в малиновой куртке стрелу с наконечником и перьями из красного золота. – Поистине ты заслуживаешь имени лучшего стрелка во всем северном крае по сю сторону Трента!

Неизвестный в малиновой куртке поклонился шерифу и веселой толпе, опуская стрелу в свой колчан.

Синие, рыжие, желтые куртки окружили его.

Кто-то тронул стрелка за рукав. Это был хромой стрельник из Трента.

– Нам нужно спешить, друзья, – сказал он, – они скоро раскусят, что обманула их стрела, которая свистит на лету.

Глава третья

О том, как Робин спас трех сыновей вдовы

«Кафтан, кафтан, – сказал шериф, –

И денег заплачу.

Тринадцать пенсов и кафтан –

Вот плата палачу».

– Что же случилось с твоими сыновьями, добрая женщина? – спросил Робин.

– Сэр Стефен дознался, что это они, – отвечала старуха. – Он дознался, что они зажгли костер, на котором сгорели все свитки и грамоты вотчинного суда. Они хорошие мальчики, мои сыновья. Как три молодых дубочка! А сэр Стефен схватил их и угнал в Ноттингем, и шериф их повесит теперь. Говорят люди, что ты никогда не оставлял виллана в беде. Помоги мне, спаси моих мальчиков, стрелок!

– Хорошо, – сказал Робин. – Ступай домой и не плачь, я спасу твоих сыновей.

Он поднял старуху на ноги и обернулся к стрелкам:

– Принеси мой лук, Давид Донкастерский. Ну, молодцы, кто хочет со мной в Ноттингем?

Но стрелок, которого звали Давидом Донкастерским, не тронулся с места.

– Тебе нельзя в Ноттингем, Робин! – воскликнул он. – На Ватлингской дороге вчера стоял герольд и кричал, что шериф объявил за твою голову награду.

– И дорого стоит моя голова?

– Двадцать марок обещает шериф всякому, кто доставит тебя в Ноттингем живым или мертвым.

– Неправду ты говоришь, Давид, – повел бровями Робин. – Я был на Ватлинге и сам слышал, что кричал глашатай. Двадцать марок шериф обещал за мертвого Робин Гуда, десять марок всего – за живого! Ты говоришь, как трус, Давид!

Веселый стрелок взял свой лук и колчан, в котором среди других стрел блестела серебряная стрела, подарок лорда шерифа. Его товарищи двинулись за ним, а дрозды свистали в ветвях, щебетали синички и коноплянки, и пестрые дятлы стучали над головой.

На широкой дороге повстречался Робину нищий, одетый в лохмотья. Робин скинул с плеч свой зеленый плащ и отдал его побирушке, а сам поверх малиновой куртки накинул рубище, в котором было больше прорех, чем разноцветных заплат.

Когда стрелки подошли к Ноттингему, у городской стены они увидели три виселицы и большую толпу народа.

Поминая Христово имя и почесываясь, как это делают вшивые бродяги, Робин Гуд протиснулся вперед.

Три сына вдовы, связанные веревками по рукам и ногам, стояли под виселицами, и шерифова стража в блестящих кольчугах, с копьями, с датскими топорами и с луками в руках окружала их. Шериф сидел на высокой скамье, покрытой сарацинским ковром, рядом с ним сидели присяжные и сэр Стефен.

Священник с распятием подошел к сыновьям вдовы, Библия на железной цепи болталась у его колена; он предложил осужденным принять перед смертью святое причастие.

Но старший из сыновей отвернулся от исповедника и сказал громко, как смелый человек:

– Святой отец, ты говоришь так, будто мы уже мертвы. Но мы еще живы, и Господь не допустит, чтобы нас лишили жизни за правое дело.

И средний сын отвернулся от священника и сказал:

– Плохо ты служишь Господу Богу, если служишь шерифу ноттингемскому. – Потом он подмигнул вилланам, стоявшим в толпе: – А палача у них нет! Смотрите, он выпил для храбрости слишком много и никак не сладит с веревкой.

Тут все в толпе рассмеялись, потому что палач и вправду был пьян. Он хотел потуже затянуть петлю на веревке и продел в нее ногу, как в стремя, а петля затянулась, точно силок. Палач упал на спину и не мог подняться: он дергал ногой, но не мог оборвать веревку. Стражники поволокли его прочь, а священник подошел к третьему сыну вдовы.

Младший сын тоже не принял причастия. Он посмотрел на далекий зеленый лес и расправил широкие плечи.

– Я помню за собой только один грех, святой отец, и в нем охотно тебе покаюсь. Я грешен в том, что слишком долго терпел. Давно мне нужно было сбросить с плеч ярмо и уйти в леса, к свободному Робин Гуду.

Веселому Робину пришлось по душе эти слова. Он получше прикрыл лохмотьями свой лук и подошел к шерифу.

– Какую плату положишь ты палачу за работу, благородный лорд? – спросил он шерифа.

Ральф Мурдах выпрямился, и глаза его радостно блеснули.

– Клянусь, сам Бог послал тебя, нищий! Я подарю тебе за работу новый кафтан, без единой прорехи, и тринадцать пенсов серебром.

– Тринадцать пенсов! – воскликнул Робин. – Тринадцать пенсов за три веревки, тринадцать пенсов и новый кафтан! А сколько заплатишь ты мне за эту стрелу, шериф?

Перед самым носом шерифа сверкнула стрела с наконечником и перьями красного золота, и шериф откинулся назад, побледнев так сильно, будто эта стрела вошла ему в ребра. Робин стряхнул с себя лохмотья побирушки, малиновая куртка вспыхнула на солнце. Он пустил серебряную стрелу в небо, и по этому знаку со всех сторон из толпы кинулись к виселицам молодцы в зеленых плащах.

– О-хо-хо! – закричал отец Тук. – С нами Бог и святые угодники!

Дубина завертелась над его головой и пошла щелкать по железным колпакам шерифовых стражников. Стрела летела выше и выше в синее небо, а Маленький Джон и повар Артур из Бленда уже расчистили дорогу к помосту, на котором стояли три сына вдовы. Священник бросился на колени, как щитом, прикрывшись распятым, и прямо через него перемахнул старший сын, скидывая

с рук разрубленную веревку.

Только тут, блеснув золотом, стрела упала с неба и воткнулась в помост, как молния, схваченная на лету.

Говорят, что в драке семеро лучше пяти и пятеро лучше трех, и это, конечно, верно. Стрелков было четыре десятка, а шерифовой стражи – сто человек. Но кольчуга крепче линкольнского сукна, датский топор тяжелее дубины, вот почему очень скоро люди шерифа железной стеной окружили своего господина и стали теснить лесных молодцов.

– Веселей, веселей, ребята! – покрикивал Робин Гуд. – Не жалейте колпаков и кольчуг!

– Ко мне! – раздался голос Скателока из-под кучи тел. – Клянусь крестом, я поймал их начальника!

Отец Тук, бросив дубину, навалился грудью на стражников, подмявших под себя Скателока. Начальник стражников, вывернувшись из рук стрелка, взмахнул ножом над широкой спиной монаха, но опрокинулся навзничь, пробитый стрелой.

Робин Гуд, спешивший на выручку Скателоку и Туку, обернулся, дивясь, откуда прилетела стрела. На перекладине виселицы сидели двое: тощий лучник в лисьей шапке и шерифов стрелок, состязавшийся с Робинем на стрельбище.

Оба, с луками в руках, спокойно смотрели сверху на свалку, выбирая мишени.

– Эге! И ты тут! Учишься бить навскидку, приятель? – рассмеялся Робин и едва успел отскочить в сторону из-под сверкнувшего над его головой топора.

Он ответил врагу ударом ножа; клинок скользнул по кольчуге, но стражник упал, сшибленный с ног тяжелым кулаком.

Из городских ворот вырвался конный отряд; шпоря лошадей, всадники скакали на помощь шерифу. Тогда звучный рог Робина покрыл шум схватки.

– К лесу, ребята! – крикнул Робин, и его молодцы, как подхваченные ветром зеленые листья, запрыгали и понеслись по дороге.

Толпа горожан, собравшаяся вокруг виселиц, чтобы посмотреть, как повесят сыновей вдовы, давно растаяла. Только кучка крестьян из-за поворота дороги следила за ходом битвы. Теперь пришло время для стрел. Тот, кто раньше других успел выбраться из свалки, натягивал лук в ожидании товарищей.

– Стойте, Маленький Джон остался!

– Он ранен, Робин!

– Бейте по лошадям! – скомандовал Робин, надеясь задержать верховых.

Вместе с Муком и сыновьями вдовы он повернул назад и, подхватив с земли чей-то меч, врезался в толпу стражников.

Маленький Джон отбивался от наседавших на него врагов, стоя на одном колене; из другого колена у него хлестала кровь. Тощий лучник и шерифов стрелок принимали на себя направленные против него удары, и вся ярость стражников обрушивалась на изменившего шерифу воина.

– Не робей, Джон, держись! – крикнул Мук.

Робин, прорвав кольцо нападавших, с такой силой ударил мечом одного из стражников, что тот, покотившись, сбил с ног другого. Мук помог младшему сыну вдовы взвалить на плечи Маленького Джона. Тощий лучник, Робин и шерифов стрелок загородили товарищей и так, отбиваясь, пятились до самой дороги.

Между тем всадники, стройная колонна которых рассыпалась под первым роем стрел, совладали с прянувшими в сторону лошадьми и во весь опор понеслись на стрелков.

Четверо всадников отделились от колонны и поскакали наперерез Робину и Муку.

– Бегите! – крикнул Робин товарищам. – Спасайте Джона, я справлюсь с ними сам.

Тощий лучник, Мук и сын вдовы с Джоном на плечах пустились вперед по дороге к лесным молодцам. Но шерифов стрелок послушался приказания. Он остался рядом с Робинсом, и сразу два лука послали в неприятеля смертельные стрелы; двое всадников упали с коней.

Теперь стрелять уже было поздно.

С опущенными копьями, привстав в стременах, приближались воины шерифа.

Робин Гуд не успел поднять меч; отбросив лук, он ждал врага. Копье устремилось в его открытую грудь. Но тут, словно подкинутый пружиной, стрелок отпрыгнул назад, рванув на себя копье. Всадник, не ожидавший такого толчка, перелетел через голову лошади. А когда он вскочил на ноги, Робин сидел уже на его месте в седле, с луком в руках. Стрела просвистала – и последний всадник выронил копье. Но выстрел запоздал на одно мгновение: шерифов стрелок лежал уже на земле, обливаясь кровью.

– Клянусь Святой Девой, они заплатят мне за этого молодца! – воскликнул Робин, пуская вскачь жеребца.

Догнав своих стрелков, он спрыгнул с коня: лесные стрелки не привыкли сражаться верхом.

Первый натиск врага удалось сдержать. Теперь стрелки бежали по дороге, то и дело останавливаясь, чтобы послать стрелу в преследователей.

– Они хотят отрезать нас от леса! – крикнул Эльфер, который все время дрался наравне с другими стрелками. – Ближе к лесу, ближе к лесу, друзья!

Младший сын вдовы задыхался под тяжестью Маленького Джона.

– Бросьте меня, спасайтесь сами! – взмолился Маленький Джон.

Но Мук сердито прикрикнул на него, перехватывая его у сына вдовы:

– Ты знай помалкивай, дьявол!

Давид Донкастерский бросился между передним всадником и отцом Туком и упал с рассеченной мечом головой.

Так отступали стрелки все дальше и дальше по дороге, а шерифовы люди теснили их справа и слева, не подпуская к лесным тропинкам.

Стрелы лесных молодцов летели реже, потому что у многих уже колчаны были пусты.

Тощий лучник выпустил последнюю стрелу.

– Слушай, Робин, – сказал он, – по левую руку, за тем вон пригорком, – дорога к замку Ричарда Ли. Мой отец будет рад укрыть у себя твоих молодцов от шерифа.

– Так это ты и есть Энгельрик Ли? Хорошего сына родил твой отец! Я охотно верну ему беглеца!

Прежде чем всадники успели отрезать им путь, стрелки, перескочив через ров, понеслись по узкой тропе к Вирисдэлю.

Старинный замок гостеприимно раскрыл перед ними ворота, подъемный мост прогромыхал цепями, и гранитные стены укрыли от врага Робин Гуда и его веселых друзей.

– Отец, прости, что я привел к тебе гостей, не спросясь, – сказал тощий лучник, обнимая отца.

– Я рад доброму Робину не меньше, чем тебе, мой сын, – ответил рыцарь. – Я думал навестить тебя в Шервуде, стрелок. Ведь завтра год со днем с тех пор, как ты помог мне спасти этот замок от йоркского аббата.

Глава четвертая

О трех святых отцах и милосердии Божиим

Двенадцать месяцев в году,

Двенадцать, так и знай!

Но веселее всех в году

Веселый месяц май.

Двенадцать, но самый веселый – май! Зеленым шумом полны леса, но самый зеленый лес в Шотландии – Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за желудем желуди, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелеными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стряхивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую, круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремяна. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нем крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

– Подле острова Корсика, – говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, – подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королем...

«Так, так», – простучал дятел, повернув головку и недоверчиво посматривая на крестоносца. Но тот продолжал:

– Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

– Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала – это рыба Богоматери. Говорят, что Пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я – Мать Божия». Но рыбаки не поверили и стали смеяться над нею. Тогда Святая Дева протянула руку к сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы ожила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой Богоматери. А при чем тут святая Агафья?

– Не верьте, отец, – ответил каноник. – Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своем приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала – это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной Агафьи. Тогда жители города Катанамы стеснились вокруг ее гробницы и выставили ее плащаницу против пламени. И огонь возвратился в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжег рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожженными – от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в ее круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

– Что с вами, отец приор? – повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

– Скажите, каноник, – прошептал маленький всадник, – ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Легкая тень пробежала по лицу крестоносца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

– Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник ответил:

– Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слышали, что говорил аббат в монастыре Святой Марии? Они чаще всего нападают на нас, беззащитных служителей церкви.

– Хотел бы я встретиться с этим хваленым разбойником! – сказал каноник. – Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, – при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, – вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, – тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, – будет вам такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дернув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперед. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускоряли шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие все яростней колотилось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и прошептал:

– Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В День святого Климента убежал у меня ослушный виллан, Клем из Ключ. Прошел слух среди моих людей, будто он ушел к разбойнику в Шервуд. Плохо придется мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пенек в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

– Хотел бы я знать, о чем думает лорд шериф, – громко сказал крестоносец. – И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

– Тише, тише, каноник, не искушайте провидение. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделывать. Ведь у Робин Гуда нора под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж Святую Деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забегала вперед, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

– Да не спешите вы так, отец приор! – воскликнул наконец каноник, заметив, что его спутник окончательно выбился из сил. – Если вы будете так сильно болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал еще вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблем сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали косить боками, шерсть на груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

– Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борты его были выкрашены зеленой и желтой красками, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода – пращи, луки, копья – и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестоносца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и продолжал слушать рассказ.

– Эти слова придали нам храбрости, – рассказывал каноник. – «Смелее, воины Христовы!» – крикнул я. Мы накинули веревки на руль вражеского корабля и по этим веревкам взобрались на борт. Многим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» – крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя Господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперед, стоял монах в изорванном, заплатанном плаще.

– Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! – слышался голос из-под капюшона. – За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегченно вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

– Проваливай с дороги, монах! Нашел у кого просить – у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

– Святые отцы, – сказал он тихим, спокойным голосом, – неужели мы не заслужили у Господа Бога нескольких золотых монет! Братие, преклоним колена и воззовем к милосердию Божию. Может быть, Господь услышит нашу молитву и ниспошлет нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая бородка, ровные белые зубы под задорными завитками усов. Крестоносец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустился рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

– Ну, братие, – сказал он, – вознесем молитву к престолу Всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи Боже, внимли смиренным рабам твоим...»

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

– Господи Боже, внимли смиренным рабам твоим... – дрожащим голосом прошептал приор, подняв глаза к небу, заслоненному яркой зеленью дубов.

– Господи Боже, внимли смиренным рабам твоим... – торопливо прошептал за ним каноник.

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...золота...

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестоносца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

– ...золота...

– ...елико возможно больше! – громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.

– ...елико воз-змо-жно... больше, – холодея от страха, прошептали святые отцы.

– Отлично, братие, – сказал нищий. – Вы хорошо молились – видать, от чистого сердца. Уж, верно, Господь услышал нашу молитву. Давайте же, братие, осмотрим карманы наши и поделим по-братски все, что послал нам Всевышний. Начну-ка я первый.

Лукаво посмеиваясь, нищий монах обшарил свои карманы.

– Гм! Видно, я грешен перед Господом Богом: у меня в карманах ничего не прибавилось после молитвы.

– И... и у меня ничего не прибавилось! – в один голос ответили святые отцы.

– Разве? А мне почудился звон. Ведь у вас ничего не было прежде, ни фартинга? Сдается мне, все же молитва наша дошла до престола Господня. Посмотрим, посмотрим, чем одарило нас милосердие Божие. О! Да тут и впрямь что-то есть!

Так воскликнул нищий монах, вытаскивая из кармана крестоносца туго набитый кошель.

– А теперь у вас, святой отец!

Второй кошель, не менее пухлый, упал на траву рядом с первым.

Под пристальным взглядом нищего крестоносец скинул на землю свой плащ, разостлал его пошире и высыпал на него две пригоршни звонких монет. Он безропотно разделил их на три равные части.

– Блажен, кто верует! – воскликнул монах, сгребая с плаща свою часть золота. – Возблагодарим Господа за милосердие его!

Но святые отцы не стали молиться на этот раз.

Поспешно упрятав отощавшие кошельки, они вскочили на лошадей и помчались прочь.

Маленький всадник мешком повалился на шею своего скакуна и крепко вцепился руками в гриву. Зато крестоносец показал, как искусно умеют обгонять ветер храбрые победители сарацин.

Глава пятая,

в которой рассказывается о четвертом святом отце

И только монах зашел в глубину,

Он Робина кинул в поток.

«Хочешь – поплавай, а хочешь – тони;

Тебе выбирать, паренек!»

Зеленая завеса скрыла всадников от глаз. Но нищий монах долго еще прислушивался к затихающему вдали топоту копыт и треску валежника.

– Клянусь святым Кесбертом, – усмехнулся он, – эти молодцы потянутся в беге с любым оленем! Они слетят сейчас с обрыва в ручей – это так же верно, как то, что их золото звенит у меня в кармане.

Глухой всплеск подтвердил его догадку.

Раздвинув гибкие ветви орешника, монах достал из дупла векового дуба лук, колчан со стрелами и окованную железными кольцами дубину. Веселая песня понеслась по лесу:

Жирные гуси, жареные гуси

Прямо с вертела в аббатство летят.

«Кому гусей горячих?» –

Святым отцам кричат.

Колчан скрылся под широким плащом, лук со спущенной тетивой повис за плечами. Монах зашагал по тропинке, вертя дубину над головой. Он шел не спеша, легкой походкой, глубоко вдыхая запах лопающихся почек и свежей травы. Иногда он подкидывал дубину вверх, сшибая с прозрачного зеленого свода осколки радуг, запутавшихся в мокрой листве.

Где-то свистнула иволга, и монах ответил ей таким же звонким коленцем. Лесная тропа раздвоилась.

В последний раз монах бросил взгляд на следы подков и свернул вправо.

С каждым шагом лес становился гуще и глуше. Тропинка вилась ужом между кряжистыми стволами, нога то глубоко погружалась в сырой мох, то натыкалась на узловатые обнаженные корни лесных старожил. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву.

Ловко ныряя под ветвями деревьев, перепрыгивая через упавшие стволы, монах пробирался все дальше и дальше на север.

Тропинка давно пропала в подлеске, но монах не колебался в выборе дороги. На широкой поляне, окруженной шумной толпой лесных великанов, он скинул с себя вымокший до нитки монашеский плащ. Ярко вспыхнула на солнце малиновая куртка. Человек в малиновой куртке подбежал к молодому дубочку, который приподымался к небу на самой середине лужайки, весело разминая ветви и пошевеливая листьями.

– Эге! – крикнул человек, остановившись перед веселым деревцем. – А вот и моя стрела!

Дерево было пробито стрелой, когда ствол его был еще гибок и тонок, как стебель. Стрела пробила дубок и засела в нем. А теперь ствол дерева окреп, поднялся кверху и унес с собой стрелу. Человек в малиновой куртке поднял руку, но не дотянулся до стрелы.

– Подивился бы старый Генрих, если бы увидел, как вырос дубок за эти годы. И лука давно уже нет, который он подарил мне тогда за хороший выстрел, а стрела все цела.

Он долго стоял не шевелясь, прислонившись плечом к молодому дереву.

Ящерица пробежала по мокрым ремням его сандалий и юркнула в траву.

– А какие глаза были у старика! – задумчиво сказал лесной бродяга и потрянул головой, точно хотел сбросить невеселые мысли.

Порыв ветра качнул вершины деревьев, обступивших поляну.

– Да, Линдхерстский лес остается Линдхерстским лесом. Скоро будем к вам в гости! – воскликнул человек, отвечая дубам на поклон поклоном. – Сыщи тут, шериф, меня и моих молодцов!

Подмигнув ястребу, парившему в небе, он пустился в обратный путь. Монашеский плащ высох уже; ящерица скользнула по нему и спряталась в капюшоне.

Жирные гуси, жареные гуси,

Жареные утки с выводком утят

Прямо в аббатство,

В смиренное братство...

– Э, да мне сегодня удача! – рассмеялся лесной бродяга, спрыгивая с обрыва на берег ручья. – Поутру – два монаха, а вот и еще один. Однако, чтобы наполнить его брренное тело, не хватит и бочки доброго эля...

Лесной бродяга бесшумными шагами направился к монаху, сидевшему на камне у ручья. Он подошел к нему так тихо, что тот и ухом не повел. Человек в малиновой куртке остановился, с удивлением глядя на грузную фигуру отшельника.

Грубый суконный плащ, прикрывавший его плечи, был так широк, что под ним легко спрятался бы изрядный стог сена. Вокруг давно не бритой тонзуры мелкими колечками курчавились рыжие волосы. Задумчиво уставившись на воду, монах перебирал тяжелые свинцовые четки.

– Хотел бы я знать, святой отец, – сказал вдруг человек в малиновой куртке, – хотел бы я знать, отец, много ли смирения помещается в таком здоровенном теле?

Медленно повернулась круглая голова на короткой шее. Монах поглядел на малиновую куртку маленькими сонными глазами.

– Смирение – мать всех добродетелей, – ответил он спокойно, без всякого удивления. – Будьте смиренны, яко агнцы – так заповедал нам всеблагий Господь.

– Ну что ж, если ты и вправду смиренная овечка Христова, перенеси меня на тот берег, – приказал человек в малиновой куртке.

Ни слова не говоря, монах, точно слон, опустился перед ним на колени. Лесной бродяга взгромоздился к нему на плечи.

Шея монаха была так толста и крепка, что парню показалось, будто он уселся верхом на узловатую ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Полая вода еще не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пенная струя разбивалась о грузное тело монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по пояс, по грудь.

– Но, но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! – покрикивал на монаха ездок. – Небось вода холодна? А право, смирение – великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку повыше локтя. Слово перышко, монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

– Брат мой, – сказал монах, подмигивая своему седоку, – смирение – великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

– Ого! – рассмеялся лесной бродяга. – Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

– Ладно, ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе дубинкой, и длинные стихи из Священного Писания так и сыпались с его языка. Пошатываясь под тяжелой ношей, лесной бродяга перебрался через ручей.

– А ведь ты и впрямь тяжеленек, – сказал он, ступая на берег.

– На все воля Божия, – ответил отшельник, сползая с шеи своего нового друга. – Сколько ни умерщвляю плоть постом и молитвой, а все же...

Но тут лесной бродяга одним прыжком вскочил на плечи святому отцу.

– Прокати меня еще разок, приятель! Ты забыл, что мне надо на ту сторону, святой отец? Ну-ка, ну, поживей!

Он похлопал отшельника по тонзуре, как понукает лошадь хороший ездок. И, безропотно повернувшись, смиренный служитель Христов снова вошел в ручей.

К этому времени малиновая куртка впитала в себя столько воды, что стала пунцовой. Но этот цвет, очевидно, показался отшельнику недостаточно темным, потому что, дойдя до середины ручья, он вдруг так резко потрянул плечами, что его седок взлетел в воздух, кувыркнулся турманом и опустился уже не на широкую спину святого отца, а на неверную, пенистую поверхность потока. Молодец выскочил из воды с такой же быстротой, с какой вылетает из канавы брошенная туда ребятами кошка. Отшельник сидел уже на своем прежнем месте и, щурясь от яркого солнца, смотрел, как несется к нему, вертя над головой дубину, парень в пунцовой куртке.

– Уж и выдублю я твою шкуру, святоша!

– Это нехитрое дело, – сказал монах, перебирая четки, – нехитрое это дело – пересчитать ребра смиренному служителю церкви, у которого всего и оружия, что молитва да четки. А вот посмотрел бы я, как бы ты попрыгал, будь в руках у меня жердочка вроде твоей.

При этих словах парень в пунцовой куртке остановился и опустил дубину. А святой отец, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вытащил из-под куста отличную палицу, также окованную железом и сверкавшую от долгого употребления. Мокрый плащ его упал на землю, а дубина взлетела в воздух и принялась выписывать хитрые восьмерки над его головой. Лесной бродяга звонко рассмеялся.

– Ай да монах! – воскликнул он. – Вот это монах так монах!

Они закружились по поляне, обрушивая друг на друга град тяжелых ударов. Но в руках хорошего бойца дубина – отличный щит. Стук пошел по лесу, и пугливые синички поспешили вспорхнуть на самые высокие ветки. И как ни старались противники изувечить друг друга, дубина всегда встречала на пути другую дубину.

Кукушка прокуковала долгую жизнь одному и долгую жизнь другому. Два часа бились веселые молодцы, и каждый прошел добрых пять миль, отыскивая слабое местечко у своего врага; и пунцовая куртка стала малиновой снова, а кожаная куртка отшельника курилась паром, когда наконец дубина святого отца с размахухватила в самое темя молодца в малиновой куртке. Кровь потекла у него по лицу.

– Вот это удар так удар! – сказал бродяга, роняя дубинку. – За этот удар я, пожалуй, прощу тебе рясу.

Вскочив на ноги, он пустился к ручью, где лежал его лук. Не больше мгновения ему потребовалось, чтобы выхватить из колчана стрелу и натянуть тетиву. А когда он обернулся, святого отца уже не было на месте.

– Никак, он провалился сквозь землю! – промолвил парень.

Но тут из-за старого дуба показался отшельник – в железном колпаке, с мечом при бедре и со щитом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ноттингам – старое написание.

Купить: https://telnovel.com/gershenzon_mihail/robin-gud

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)